

Говард Филлипс Лавкрафт

Ньярлатотеп

(Nyarlathotep)

Ньярлатотеп... Крадущийся хаос... Я — последний... Я скажу внимающей пустоте...

Я не помню точно, когда это началось, но с тех пор прошли месяцы. Общее напряжение было ужасно. Черета политических и общественных потрясений сопровождалась странным и тягостным предчувствием жуткой физической опасности, опасности масштабной и всеохватывающей, какую можно вообразить себе только в ужаснейших ночных кошмарах. Я вспоминаю, как люди ходили с бледными и встревоженными лицами, шепча предупреждения и пророчества, которые никто не осмеливался сознательно повторять или признаться самому себе, что слышал их. Ощущение чудовищной вины нависало над землей, и из бездн между звездами сквозили холодные потоки, от которых людей била дрожь в темных и пустынных местах. Наблюдалось демоническое искажение последовательности времен года — осенняя жара устрашающе затянулась, и все чувствовали, что наш мир, и, быть может, вся Вселенная перешли из-под контроля известных богов или сил к богам или силам, которые были неведомы.

И тогда из Египта вышел Ньярлатотеп. Никто не мог сказать, кто он, но он был древних туземных кровей и выглядел как фараон. Феллахи падали на колени, увидев его, хотя не могли объяснить, почему. Он говорил, что восстал из мрака двадцати семи веков и слышал вести из мест, лежащих за пределами этой планеты. Смуглый, стройный и зловещий, Ньярлатотеп пришел в цивилизованные земли, постоянно покупая странные приборы из стекла и металла и собирая из них приборы еще более странные. Он много говорил о науках — об электричестве и психологии — и демонстрировал способности, от которых видевшие его теряли дар речи и благодаря которым слава его разрослась непомерно. Люди советовали друг другу увидеть Ньярлатотепа и трепетали. И куда бы ни приходил Ньярлатотеп, покой исчезал там; ибо предрассветную тишину разрывали крики ужаса. Никогда еще крики ужаса не представляли собой такой проблемы для общества; теперь мудрецы почти жалели, что не могут запретить людям спать в предрассветные часы, чтобы вопли городов не так сильно терзали бледную, жалостливую луну, тускло освещавшую зеленые воды под мостами и старые шпили, крошившиеся о блеклое небо.

Я помню, как Ньярлатотеп пришел в мой город — великий, древний, страшный город бесчисленных преступлений. Мой друг рассказал мне о нем и о манящей прелести и очаровании его откровений, и я загорелся страстным желанием познать его глубочайшие тайны. Мой друг говорил, что тайны эти были ужасны и способны поразить самое воспаленное воображение; и картины, появлявшиеся на экране в затемненной комнате, предрекали то, что никто, кроме Ньярлатотепа, не смел предрекать, и в суматохе своих вспышек он отнимал у людей то, что никогда не отнималось прежде, а лишь выражалось в глазах. И я повсюду слышал намеки, что те, кто знал Ньярлатотепа, наблюдали зрелища, недоступные для прочих.

Той жаркой осенью я шел сквозь ночь вместе с беспокойными толпами, чтобы увидеть Ньярлатотепа; сквозь душную ночь, вверх по бесконечной лестнице, в тесную комнату. И в смене теней на экране я видел закутанные в плащи фигуры посреди развалин, и злые желтые лица, выглядывающие из-за поваленных памятников. И я видел, как мир сражается с мраком, с волнами разрушения, которые шли из глубин космоса; вихрь, кружение, борьба вокруг тускнеющего, остывающего Солнца. Потом искры изумительно заплясали вокруг голов зрителей, и волосы у всех встали дыбом, в то время как тени, более гротескные, чем я могу описать, вышли и уселись на головах. И когда я, более хладнокровный и образованный, чем остальные, дрожащим голосом пробормотал протесты насчет "мошенничества" и "статического электричества", Ньярлатотеп вывел всех нас наружу по головокружительной лестнице на сырые, жаркие, пустынные ночные улицы. Я громко прокричал, что не боюсь, что никогда не испугался бы; и другие кричали вместе со мной, чтобы успокоиться. Мы клялись друг другу, что город остался совершенно таким же, что он все еще жив; и когда огни электрических фонарей стали меркнуть, мы снова и снова проклинали осветительную компанию и смеялись над собственными чудаковатыми гримасами.

Думаю, мы почувствовали нечто, исходившее от зеленоватой луны, потому что когда мы стали зависеть от ее света, мы побрели странными произвольно шагающими кучками, и, казалось, каждый знал свой пункт назначения, хотя не смел думать о нем. Глядя на мостовую, мы видели расшатанные булыжники, между которыми пробивалась трава, и изредка полоски ржавого металла там, где были трамвайные пути. И вот мы увидели вагон трамвая, одинокий, без окон, полуразрушенный и почти поваленный. Разглядывая горизонт, мы не могли найти третью башню у реки и заметили, что силуэт второй башни оборван поверху. Потом мы разбились на узкие колонны, каждую из которых как будто влекло в свою сторону. Одна исчезла в узкой аллее слева, оставив после себя лишь эхо ужасающего стога. Другая двинулась к заросшему сорняками входу в метро, завывая безумным смехом. Моя собственная колонна тянулась в сторону открытой местности, и тогда я почувствовал холод, несвойственный этой жаркой осени; ибо, выбравшись на темную пустошь, в лунном свете мы увидели вокруг себя адский блеск зловещих снегов. Непроходимые, неопишуемые снега были проторены только в одном направлении, где лежала бездна — чернее черного из-за своих сияющих стен. Колонна казалась и впрямь очень узкой, сонно шагая в бездну. Я замешкался позади, потому что черный провал в озаренном зеленоватым светом снегу наводил страх, и мне чудились отзвуки тревожных возгласов, когда мои спутники исчезали; но я едва мог контролировать свой шаг. Словно влекомый теми, кто шел впереди, я полушагал, полуплыл среди гигантских сугробов, трепещущий и испуганный, в незримую пучину невообразимого.

Вопиюще-сознательные, молчаливо-безумные, только боги способны об этом рассказать. Болезненная, чувствительная тень, корчащаяся в руках, которые на самом деле — не руки, и вслепую несущаяся мимо жутких полуночей гниющего мироздания; трупы миров с городами-язвами; кладбищенские ветры, которые сметают бледные звезды и ослабляют их мерцание. За пределами миров — смутные тени чудовищных фигур; едва различимые колонны неосвященных храмов, покоящиеся на безымянных скалах у основания космоса и достигающие

головокружительной пустоты над сферами света и тьмы. И посреди этого вертящегося кладбища Вселенной — приглушенный, сводящий с ума барабанный бой и пронзительное, монотонное завывание кошунственных флейт из непостижимых, лишенных света пространств за пределами Времени; омерзительное биение и свист, под аккомпанемент которых медленно, неуклюже и нелепо танцуют гигантские, сумрачные первоначальные боги — слепые, безгласные, безумные гаргульи, чья душа — Ньярлатотеп.

Перевод: Urfin Jus